

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЖИХАДИЗМ
КАК ВЫЗОВ ДЛЯ РОССИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

DOI: 10.20542/2307-1494-2020-2-212-215

Казанцев А.А. Международные сети джихадизма: Центральная Азия, Кавказ, Ближний Восток и Афганистан. – М.: МГИМО-Университет, 2019. 256 с.

Терроризм и экстремизм входят в число основных трансграничных угроз современности, которые затрагивают основы строя государств и политических режимов разных типов. Особая опасность этих угроз состоит в том, что они провоцируют внутренние конфликты или становятся их побочным эффектом, тесно переплетаются с незаконным оборотом оружия, нелегальной миграцией, торговлей наркотиками и людьми. При этом до сих пор достаточно низким остается уровень взаимопонимания и сотрудничества между западными странами и Россией касательно как теоретических вопросов осмысления этих вызовов, так и практических вопросов борьбы с ними. Для России особая актуальность их изучения состоит в том, что в стране имеется определенная почва для террористической пропаганды ввиду сохраняющихся в ряде регионов сепаратистских тенденций, а также радикализации некоторой части мигрантов, прибывающих в РФ из постсоветских государств. В этом свете особую значимость приобретают мониторинг таких угроз в странах, расположенных по периметру российских границ, и сотрудничество с ближайшими союзниками России по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), подключившимися к выработке совместных механизмов борьбы с терроризмом и экстремизмом в рамках различных соглашений.

В 2019 г. вышла монография ведущего российского специалиста по Центральной Азии А.А.Казанцева, в которой вызовы этого типа рассматриваются с особым акцентом на специфику стран южного фланга постсоветского пространства. В качестве основного объекта исследования автор выделяет современные вооруженные группировки и террористические сети, в своей деятельности руководствующиеся идеологией джихадизма. Автор обосновывает этот выбор тем, что современные террористические организации других типов и ориентации нередко кооперируются с государственными структурами и следуют в русле интересов конкретных государств. На этом фоне, полагает он, только джихадистские организации можно считать, действительно, независимыми субъектами, которые если и сотрудничают с теми или иными структурами отдельных государств, то лишь по ограниченному кругу вопросов, что может привести к совпадению их интересов лишь на краткосрочный период. Этот тезис подтверждается тем, что, с одной стороны, периодически возобновляются дискуссии вокруг термина «государственный терроризм», а с другой стороны, государства все чаще обвиняют друг друга в использовании террористических группировок в качестве инструмента борьбы с неугодными силами и даже с

внешнеполитическими оппонентами. Турция, например, на определенном этапе шла на негласное сотрудничество с запрещенной в России террористической организацией «Исламское государство» (ИГ) для борьбы с курдскими формированиями в Сирии, а США долгое время пытались представить участвовавшие в гражданской войне в Сирии террористические группировки в качестве легитимной оппозиции.

Автор выделяет три ключевых направления распространения религиозного экстремизма в России: трудовая миграция из центральноазиатского региона, места лишения свободы и Северный Кавказ. Вопрос о причинах радикализации центральноазиатских мигрантов остается открытым. Исследователи отмечают различия в подходах к этой проблеме со стороны экспертов из стран Центральной Азии и России. Если первые утверждают, что мигранты радикализируются вследствие тяжелых условий труда и злоупотреблений со стороны российских властей, то вторые акцентируют внимание на внутренних проблемах центральноазиатских республик.

В этой связи А.А.Казанцев отмечает, что во всех республиках Центральной Азии в последние годы сложились серьезные предпосылки для радикализации молодежи, обусловленные тем, что высокая безработица (в некоторых странах достигающая 30%), а также отсутствие возможности участвовать в политической жизни страны не дают молодым людям возможность самореализоваться. При этом традиционное духовенство не в состоянии дать адекватный ответ на возникающие при этом ценностные вопросы, «ограничиваясь исключительно исполнением обрядов». Тенденция перехода к насильственным мерам воздействия на власти усугубляется активной пропагандистской деятельностью иностранных государств. В первую очередь, речь идет о Саудовской Аравии и Катаре, которые стремятся использовать центральноазиатские республики в борьбе против своих геополитических соперников в ближневосточном регионе (в частности, против Ирана), распространяя более радикальные и не характерные для региона салафитские взгляды. В Таджикистане, имеющим общие культурно-исторические корни с населением шиитского Ирана, замена шиитских взглядов на салафитские происходит через оказание упомянутыми странами финансовой помощи Душанбе, а также посредством финансовой поддержки местного духовенства и передачи средств на строительство мечетей.

Практически все страны региона стали донорами для террористической организации ИГ, ведущей активную пропагандистскую деятельность в странах Центральной Азии. Автор отмечает, что в последние годы террористы активно используют возможности Интернета для распространения радикальных идей, а также переносят фокус на такие уязвимые группы населения, как женщины и дети. Хотя механизм пропагандистской деятельности таких организаций, как ИГ, не получил подробного освещения в монографическом исследовании, их информационная политика по степени своей эффективности может конкурировать с аналогичной политикой ряда развитых стран. ИГ создало целое подразделение пропагандистской деятельности для стран Центральной Азии и России “Furat Media”, которое выпускает продукцию на русском, казахском, киргизском, таджикском и других языках. Материалы достаточно высокого качества содержат небольшие объемы информации с аудиовизуальным сопровождением и затрагивают тему справедливости и милосердия. На страницах журналов и в материалах видео обсуждаются темы слабости ислама в наши дни, «унижение» простых людей органами власти, «героизм» борцов за исламскую религию, «безальтернативность» джихада. Для некоторых граждан центральноазиатских

стран идеологическое обоснование причин накопившихся проблем и предложения по их решению в ряде случаев выглядят более убедительными, чем объяснения правительства и представителей традиционного духовенства.

В исследовании также поднята актуальная, но редко затрагиваемая в отечественных работах тема радикализации лиц, находящихся в местах лишения свободы. В контексте угрозы международного терроризма и разрастания джихадистских сетей она упоминается лишь эпизодически, однако отмечается, что в северокавказских республиках России, а также в центральноазиатских странах радикальные исламисты фактически берут тюрьмы под свой контроль, замещая воровскую идеологию религиозным экстремизмом. Довольно серьезную опасность эта тенденция представляет в Республике Дагестан, где в последние годы фиксируется рост числа джихадистских организаций и активизируется распространение радикальных взглядов вследствие высокого уровня бедности (в 2019 г. две северокавказские республики – Ингушетия и Кабардино-Балкария – вошли в тройку самых бедных регионов России), низкого уровня социально-экономического развития и повсеместной коррупции. Радикалы активно выезжают из северокавказских республик за рубеж, приобретают опыт участия в боевых действиях и устанавливают контакты с гражданами других постсоветских стран, в т. ч. государств Центральной Азии. Возвращение таких экстремистов на родину, наряду с приездом радикалов в Россию в качестве трудовых мигрантов, может привести к формированию сетей разношерстных террористических организаций, поддерживающих тесные связи друг с другом. Уже сейчас некоторые террористические группировки из стран Центральной Азии ведут активную пропаганду радикальных взглядов в России на базе местных мечетей. В качестве примера А.А.Казанцев приводит деятельность Исламского движения Узбекистана в Новом Уренгое (Ямало-Ненецкий автономный округ, Уральский федеральный округ).

Рост террористической угрозы, исходящей от активных и спящих террористических группировок, в Центральной Азии дополняется тем, что разгром террористической организации ИГ в Сирии и других странах побуждает приверженцев «Исламского государства» перебазироваться в Афганистан, ближе к постсоветским центральноазиатским странам. Устанавливая тесное взаимодействие с занимающимися торговлей наркотиками преступными группировками, они получают источник бесперебойного финансирования и возможность использовать логистические каналы транспортировки наркотиков через Центральную Азию на территорию России. К игиловцам присоединяются террористические группировки из Пакистана, которые, как отмечает А.А.Казанцев, поддерживают связи с монархиями Персидского залива и также заинтересованы в дестабилизации российского Северного Кавказа в целях выдавливания России из Сирии. При этом перспектива превращения Афганистана в новую базу для ИГ во многом зависит от того, сможет ли группировка найти общий язык с движением Талибан, которое придерживается ханафитского направления толкования ислама и не вписывается в исповедуемый ИГ салафитский радикализм. Остается открытым вопрос о том, сработает ли в отношении ИГ исторически сложившийся афганский принцип неприятия любой формы вторжения. А.А.Казанцев придерживается точки зрения о том, что такой союз вполне возможен вследствие уже имеющих прецедентов взаимодействия и взаимовлияния в этом регионе предшественников движения Талибан и ИГ. Так или иначе, эксперты едины в том, что территория Афганистана может быть использована для тренировки

террористов в целях их последующей переброски на территорию стран Центральной Азии и России.

Резкая активизация террористической угрозы практически по всему периметру постсоветских границ требует повышения эффективности взаимодействия в рамках уже созданных механизмов борьбы с терроризмом – ОДКБ и ШОС. Осознавая угрозу дестабилизации внутривосточной ситуации вследствие все более возрастающей заинтересованности террористических организаций в получении доступа к управлению государственными структурами, руководство стран Центральной Азии принимает меры по ужесточению законодательства и обмену разведывательными данными со странами ОДКБ. Однако столь необходимое взаимодействие непосредственно между центральноазиатскими странами осложняется конфликтами за водные ресурсы, конкуренцией за привлечение китайских и российских инвестиций и неспособностью данных стран осуществить кардинальные и эффективные меры по улучшению социально-экономической ситуации.

Вследствие указанных противоречий, в расположенных по периметру российских границ странах угроза терроризма со стороны радикально-исламистских организаций джихадистского толка остается актуальной проблемой безопасности, а посвященная ей книга А.А.Казанцева представляет высокую практическую значимость.

Лейли Рустамова*

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М.Примакова РАН
Российской академии наук

* Рустамова Лейли Рустамовна – научный сотрудник Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, кандидат политических наук.

Leili Rustamova is a Researcher at Peace and Conflict Studies Unit, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow.